

— В нашем классе баллы за поведение из-за тебя всегда были на последнем месте, — выдохнула я. — Ладно, теперь, когда они ушли, скажи, зачем ты привёл меня сюда? Что-то хотел сказать?

— Как ты думаешь, какой я человек?

Ян Чэнь и я присели на ступеньки у стены на крыше. Хотя было холодно, ночное небо было ясным. Я внимательно подумала:

— Не очень.

— Что за слова, скажи что-нибудь хорошее.

Ян Чэнь, похоже, был в хорошем настроении, улыбнулся и щёлкнул меня по лбу. У него сильная рука, и я, потирая ушибленное место, пожаловалась:

— Действительно больно. Не можешь ли ты избавиться от привычки всё время ко мне прикасаться?

— Больно? — удивительно спросил он. — Я не старался. Просто у тебя слишком нежная кожа, но в этом есть свои плюсы...

Человек неосторожно снова начал шутить на неприличные темы. Я закатила глаза. Холодный ветер снаружи не давал мне уснуть, и я, втянув шею в пуховик, вялая болтала с Ян Чэнем. Он зацепил мой палец:

— Сюй Цзюньянь, знаешь, я в старших классах часто приходил сюда обедать.

— Я всегда думала, что это тупо. Наш класс был на первом этаже, а ты шёл на седьмой этаж на крышу, чтобы поесть, — честно сказала я. — Совершенно бессмысленное занятие.

— Когда выпьешь, язык у тебя действительно острый, — заметил он.

— Я просто говорю то, что думаю, — попыталась я высвободить руку, но он сжал её крепче. Попытавшись несколько раз и не сумев вырваться, я перестала возиться и переплела свои пальцы с его тёплыми и сухими. Моё сердце дрогнуло:

— С таким скверным характером, как у тебя, любой, кто свяжется с тобой, будет несчастен.

— Но ты же всё равно со мной, — он хитро улыбнулся и повернул голову ко мне. Его красивые миндалевидные глаза слегка прищурились, излучая очарование и чувственность.

— Просто ты красивый, — пробормотала я. — Кто сказал, что мы вместе? Мы же просто партнёры по сексу.

Ян Чэнь долго молчал. Долго настолько, что я подумала, будто он уснул, но вдруг он заговорил:

— Сюй Цзюньянь, скажи честно, ты ведь любишь меня? Иначе что ты искала все эти годы?

— Ради твоей внешности, — искренне ответила я.

— Сюй Цзюньянь, — его голос стал низким, — я хочу услышать правду.

Я смотрела на белый пар от своего дыхания. Он крепко держал мою руку, и я услышала свой

собственный голос:

— Было, наверное. Я сама не знаю.

— Что значит «было»? — он выпрямился и посмотрел на меня. — Объясни.

— Раньше я любила тебя, ты ведь действительно красивый. Но это было очень давно. Сейчас, возможно, уже нет, — сказала я. — Какой смысл спрашивать? Разве важно, люблю я или нет?

Ян Чэнь молча посмотрел на меня какое-то время, потом вдруг снова откинулся назад:

— Действительно, не важно.

Я знала, что он хотел услышать — что я люблю его и потому молча следовала за ним столько лет. Но это было слишком трудно. Даже если я привыкла обманывать и скрывать правду, я не хотела использовать такие слова, чтобы угодить ему. Ведь у меня всё ещё оставалось немного разбитого достоинства, и я не собиралась, как собака, которая помнит только еду, снова отдавать оставшийся кусочек своего сердца, чтобы Ян Чэнь мог использовать его как точильный камень, не придавая этому значения.

— Я совершил много ошибок, да? — спросил он. — Ты сильно меня ненавидишь?

Не знаю, что с Ян Чэнем случилось сегодня вечером, но я ждала так долго, и наконец наступил день, когда его совесть проснулась. Ситуация, когда я воображала, как яростно ругаю его, не сложилась. Я лишь пошевелила пальцами, мне было лень даже открывать рот:

— Всё уже в прошлом.

— Ты... простишь меня?

Небо свидетель, даже гордый Ян Чэнь склонил голову передо мной, с трудом прося прощения. Если бы не было так холодно и мне лень было двигаться, я бы обязательно записала этот момент и проигрывала бы каждый день в цикле. Это было бы бодряще и продлевало жизнь, стоило только послушать, как хочется поставить руки на бока и громко рассмеяться.

— Не прощу, — зевнув, медленно сказала я. — Ты сегодня какой-то странный, почему так много говоришь.

Мы с Ян Чэнем редко разговаривали. Чаще всего это было после секса, когда мы договаривались о следующей встрече, или когда он был в плохом настроении и хотел ссоры, но я всё терпела, позволяя ему сыпать холодными словами и насмешками. Со временем это перестало меня ранить. Я не была настолько тупой; жизнь в семье Сюй закалила мой инстинкт по отношению к скрытой злобе в словах. Я понимала подтекст каждой его фразы. Но постепенно я обнаружила, что понимание приносит только боль, и перестала хотеть понимать. Иногда я могла увидеть, как он задыхался от моего безразличия и сам сердился, и это было довольно неплохо.

— Чего застыла? Наверное, хочешь спать, — он не продолжил тему, а наоборот, подался вперёд и ущипнул меня за щёку. — Проснись, поболтай со мной.

— О чём говорить... — мои глаза уже закрывались. Странно, обычно в это время я была полна энергии, даже выпив алкоголь, я не чувствовала бы такой сонливости. Ян Чэнь, видя, что я качаюсь и вот-вот усну, внезапно злобно сжал мой подбородок и поцеловал.

— Чёрт! — Я сначала поцеловала его в ответ, но в полудрёме вспомнила, что это крыша здания для старшеклассников, и тут же пришла в себя, оттолкнув его:

— Не можешь ли ты не возбуждаться в любое время и в любом месте? Если нас поймают, мне ещё и лицо потерять?

— В худшем случае нам вычтут баллы за поведение класса, — его пальцы тяжело скользили по моим губам, глаза светились пугающим блеском. — Ты помнишь, что мы делали это здесь? Только тогда там ещё была комната...

Я помнила.

Тогда на крыше ещё стоял небольшой навес, построенный школьным метеорологическим кружком. Ян Чэнь затащил меня внутрь. Он не сказал мне накануне, что собирается заняться сексом, и я перед школой не подготовилась. Он не мог войти, от злости сильно сжимал мою талию. Я волновалась, что дверь не заперта, мне было и страшно, и больно, и, сдерживая слёзы, я встала на колени, чтобы сделать ему минет. В тот раз он был очень груб, схватил меня за волосы и толкал внутрь. Я могла только стараться проглотить как можно глубже, надеясь, что он кончит быстрее, чтобы нас не обнаружили. Из-за слишком глубокого проникновения у меня перед глазами потемнело, и я думала, что задохнусь до смерти.

«То чувство было похоже на утопление».

Эта фраза пронеслась у меня в голове — это было из романа, который я читала. Мои слабые попытки борьбы были подавлены Ян Чэнем, в котором пылало желание. Я могла лишь крепко держаться за подол его рубашки, инстинктивно глотая, чтобы угодить ему. Быстрее, скорее всё заканчивай, а то я правда умру.

В конце он кончил мне на лицо, а когда я вернулась, то обнаружила, что вся талия в синяках. Это всё, что я помнила о том сексе.

— Хочешь повторить? — Я уже не была той смешной девушкой, которая слепо подчинялась, чтобы угодить ему. Такой секс, который совершенно не мог доставить мне удовольствия, должен называться односторонним насилием. Если бы он хотел повторить, я бы ударила его в лицо.

— Не хочу, в тот раз ты плакала очень жалко.

Я не помнила, что плакала, наверное, это были физиологические слёзы. Однако после каждого раза моё лицо было грязным, и я не могла отличить, где слёзы, а где сперма. Он выдохнул и словно сам себе сказал:

— В то время я был молод и ничего не понимал.

— Давай поговорим о чём-то чистом здесь в школе. Что ты собираешься делать в будущем? — я сменила тему, потому что правда не хотела больше обсуждать прошлое. Это было не лучше, чем срывать корку с раны, чтобы показать свежую кровоточащую плоть внутри, а потом человек с ножом легкомысленно говорил: «Тогда я был молод и безрассуден, не обращай внимания, что я тебя несколько раз порезал». Это бесило.

— Что делать? — Ян Чэнь действительно задумался. — Вложить капитал в направления, которые мне интересны, устроить шоу, чтобы старик посмотрел. Чтобы он не говорил каждый день, что я бездельник.

Я кивнула. Он с интересом посмотрел на меня:

— А ты? Я почти никогда не слышал, чтобы ты говорила, что хочешь делать.

— Раньше хотела быть полицейским, обычным участковым.

Ян Чэнь рассмеялся:

— Я не представляю тебя в полицейской форме.

— Я тоже не представляю, и шанса уже нет, — я потянулась. — Сейчас тоже не хочу быть полицейским, есть только одно желание, которое я хочу выполнить.

— О? Какое желание? Расскажи.

Я ценила нынешнюю атмосферу, она восполнила мои фантазии, которых я так жаждала, но не смогла осуществить. Мы, два взрослых, как настоящие старшеклассники, сидели на крыше и болтали обо всём, что может случиться в будущем, о своих идеалах и всех нереалистичных мечтах.

— Я хочу переспать с несколькими красавчиками в этой жизни, — я улыбнулась. — Иначе жизнь не окупится.

— Красиво мечтаешь, — он фыркнул.

Я встала, отряхнула пыль с куртки и очень радостно раскрыла руки, словно хотела обнять ночное небо. Обернувшись, я сказала ему:

— А потом, в день моего двадцать девятого дня рождения, прыгну в море.

<http://bllate.org/book/16832/1548408>